

В канун знаменательного события корреспондент обратился к ведущим исполнителям театра с вопросом:

— Вся ваша жизнь связана со сценой. Расскажите, пожалуйста, о самых памятных днях своей творческой биографии.

Вот что ответили:

Халима Насирова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР:

— Одиннадцатое июня 1939 года называют днем рождения узбекской оперы, на сцене театра состоялась премьера нашей первой профессиональной оперы «Бурона». Постановка была подготовлена в рекордно короткий срок — за полтора месяца. Но какая огромная работа предшествовала ей!

Начиная с той поры, когда Камилль Яшен задумал либретто, в котором хотел показать совместную борьбу узбекского и русского народов против самодержавия, я с огромным интересом следила за созданием оперы. Сюжет «Бурона» наглядно иллюстрировал мысль, что не по национальному, а по социальному признаку люди тянутся друг к другу: союзу господствующих классов было противопоставлено изображение единства рабочих и крестьян, вне зависимости от их языка и вероисповедания.

Нет ничего удивительного, что тема пролетарского интернационализма, особенно актуальная в ту пору, так увлекла композиторов М. Ашрафи и С. Василенко. С. Н. Василенко вспоминал, с каким волнением брался он за работу над оперой. Предстояли затруднения в выборе музыкального материала, в применении его к психологической канве, в подготовке текста при полном незнании композитором узбекского языка.

Небезынтересно отметить, что работу по инструментовке «Бурона» композиторы поделили между собой так: первый и второй акты были отданы М. Ашрафи, а третий и четвертый — С. Василенко. Пятую картину они выполнили совместно. Музыка оперы

К юбилею Государственного академического Большого театра Узбекской ССР имени

А. Навои.

ГЛАВНАЯ СЦЕНА РЕСПУБЛИКИ

базировалась на подлинных узбекских мелодиях. Кроме того, в нее был введен песенный материал, сочиненный Хамзой.

Вспоминаю, с каким интересом разучивали артисты арии и сложные ансамбли оперы, как, например, квинтет, исполняемый с четырехголосным хором. Роль Бурона готовил наш замечательный артист Карим Закиров, а партию главной героини Наргуль вместе со мною — Шаходат Рахимова, Сара Самандарова и Назира Ахмедова.

Это было время, когда узбекская вокальная школа еще не сформировалась, большинству исполнителей, обладавших сценическими способностями, явно не хватало вокального мастерства. Я и мои подруги по сцене много и настойчиво работали над совершенствованием своего искусства, изучали законы европейской школы пения.

И вот наступил вечер премьеры. Успех был ошеломляющим. Еще много месяцев после первого представления я продолжала получать поздравления от любителей оперного искусства и думала о том, что постановка «Бурона» стала школой не только для певцов-актеров, но и для зрителей. Если первые учились петь в национальной опере, то вторые учились ее слушать.

Сейчас, когда «Бурона» вновь вернулся на сцену театра, я сравниваю это произведение с алмазом, отшлифо-

ванным временем и потому сверкающим еще более ярко.

Галия Измайлова, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии ССР:

— Свое первое творческое счастье я испытала на одном из смотров художественной самодеятельности, когда Тамара Ханум и Мукаррам Гургунбаева спросили меня: «Девочка, хочешь учиться в балетной школе?»

Год 1947-й стал решающим в моей судьбе. Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Праге подарил мне первую награду — золотую медаль. В ту пору в моем репертуаре были одна партия в балете «Ах-Быляк» и четыре концертных номера. Однако успех на молодежном фестивале дал то, без чего нельзя представить себе успешную творческую работу, — уверенность в своих силах. Он помог окончательно понять, что мое истинное призвание — балет.

Сегодня, обращаясь к воспоминаниям, я думаю о том, как много счастья подарила мне судьба, связав мою жизнь с театром имени Навои. Овладев законами балетного мастерства и узбекской хореографии, я избрала для себя дорогу поисков нового в древнем искусстве танца. В моем домашнем архиве немало лауреатских дипломов и похвальных рецензий, но самые дорогие — самые первые из них, так же, как самые дорогие — первые образы, созданные в

«Копелии» Делиба, «Бахчи-сарайском фонтане» Б. Асафьева, «Лебедином озере» П. Чайковского.

Исполняя ведущие партии во многих постановках театра, я задумывалась над хореографическими решениями других режиссеров и представляла, как это сделала бы я на их месте. И вскоре появилась возможность испытать свои силы в режиссуре. Вместе с Борисом Завьяловым мы создали собственный вариант «Лебединого озера». При этом мы шли от мысли Б. Асафьева о том, что «романтично-сказочные образы «Лебединого озера» очеловечены Чайковским настолько, что драма Лебеда и Зигфрида волнует, как драма действительности, а не как символическое «действие»...

Меня увлекла балетмейстерская работа и вслед за этим спектаклем ставлю цикл одноактных балетов — три спектакля, в основе которых «Шехерезада» Римского-Корсакова, Сюита из вальсов Штрауса и «Болеро» Равеля. В каждом балете — свои мелодии, своя ритмика, инструментовка, своя линия танца. Но вместе они стали единым повествованием о любви.

Этот триптих открыл мне дорогу в искусство постановки, и с той поры, танцуя в спектаклях, я стремилась пользоваться любой возможностью для пробы своих сил в хореографии.

Танец — это рождение чуда, когда условность искусства становится безусловностью, когда зритель становится сотворцом, соучастником происходящего. Именно с таким настроением работала я над партией Кармен в балете Бизе-Щедрина «Кармен-сюита». Отрывок из балета мне выпало счастье показать в Париже, когда там проходили Дни советского искусства. Зрители несколько раз вызывали меня на сцену, их аплодисменты я приняла как высокую оценку искусства узбекского балета.